

УДК 821.161.1.0

ДОСТОЕВСКИЙ И СТРАХОВ: ОПЫТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кошечко А.Н.

ФБГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», Томск, Россия (634050, Томск, ул. Киевская, 60), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

В статье рассматривается история взаимоотношений Достоевского и Страхова как пример экзистенциальной коммуникации. Рефлексия личностно-профессиональных отношений, представленная в эго-документах и публицистике (письмах и «Дневнике писателя» Достоевского, статье «Наблюдения. Посвящается Ф.М. Достоевскому» и письме к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. Страхова), позволяет выявить ценностно-мировоззренческие основания их идейного расхождения: представление о человеке, противопоставление наблюдательного и деятельного «настроения», отношение к Истине. Экзистенциальный характер взаимоотношений Достоевского и Страхова выстраивается по модели коммуникации с ценностно значимым Другим, относительно которого происходит определение собственной позиции и собственного слова как способа реализации «не-алиби» личности в бытии. Доминантой коммуникации в данном случае является ценностное отношение к личности человека, относительно которого есть возможность добавить значимости своему существованию. Если Достоевский говорит сам и о себе, дает видение изнутри, то Страхов занимает внешнюю, оценивающую, интерпретирующую, а потому искаженную его субъективным видением внутреннего мира Другого, позицию.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, экзистенциальное сознание, аксиология, рефлексия, идея, Другой, экзистенциальная коммуникация, словописатель, критик, эго-документы, «Дневник писателя», «Наблюдения. Посвящается Ф.М. Достоевскому».

DOSTOYEVSKY AND STRAKHOV: EXPERIENCE OF EXISTENTIAL COMMUNICATION

Koshechko A.N.

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Kievskaya Str., 60), The national research Tomsk State University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Avenue, 49), e-mail: Nastyk78@mail.ru

In article the history of relationship of Dostoyevsky and Strakhov as an example of existential communication is considered. The reflection of the personal and professional relations presented to an ego-documents and journalism (letters and «A Writer's Dairy» Dostoyevsky, article «Supervision. It is devoted to F.M. Dostoyevsky» and the letter to L.N. Tolstoy of November 28, 1883 Strakhov) allows to reveal the valuable and world outlook bases of their ideological divergence: idea of the person, opposition of observation and active «mood», relation to Truth. Existential nature of relationship of Dostoyevsky and Strakhov is built on communication model with valuable significant Another concerning which there is a definition of own position and own word as a way of realization «not - an alibi» persons in life. Communication dominant in this case is the valuable attitude towards the identity of the person concerning which there is an opportunity to add the importance to the existence. If Dostoyevsky speaks itself and about himself, gives vision from within, Strakhov borrows external, estimating, interpreting, and therefore distorted by his subjective vision of an inner world of Another, a position.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, N. N. Strakhov, existential consciousness, axiology, reflection, idea, Another, existential communication, word, writer, critic, ego-documents, «A Writer's Dairy», «Supervision. It is devoted to F.M. Dostoyevsky».

Взаимоотношения Достоевского и Страхова как пример экзистенциальной коммуникации стали фактом истории русской литературы, к которому вплоть до настоящего времени сохраняется неоднозначное отношение. Эволюционный характер этих отношений репрезентативен: близость в период существования журналов «Время» и «Эпоха» в начале 1860-х годов и полное духовное расхождение в 1870-х. Несмотря на то, что характер этих личностно-профессиональных отношений остается до конца не выясненным, для настоящей

статьи они важны как прецедент внешней интерпретирующей позиции по отношению к ценностно значимому Другому, которую реализуют оба коммуниканта.

В конце 1860-х годов Достоевский дает высокую оценку таланта Страхова как критика и ставит его в один ряд с такими фигурами, как В.Г. Белинский, Ап. Григорьев и др.: «Ясно, логично, твердо сознанная мысль, написанная изящно до последней степени <...> В конце концов, я считаю Вас за единственного представителя нашей теперешней критики, которому принадлежит будущее»¹ (т. 29, кн. 1, с. 17). Важно в этой характеристике и то, что все упомянутые писателем критики, будучи личностями с уникальной мировоззренческой позицией, состоялись и реализовались в современном литературном процессе относительно фигуры значимого Другого: «Каждый замечательный критик наш <...> выходил на поприще непременно как бы опираясь на передового писателя, т.е. как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя <...> Белинский заявил себя ведь не пересмотром литературы и имен, даже не статьею о Пушкине, а именно опираясь на Гоголя, которому он поклонялся еще в юности. Григорьев вышел, разъясняя Островского и сражаясь за него. У вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому с тех самых пор, как я вас знаю» (т. 29, кн. 1, с. 16). Несмотря на то, что идейные расхождения между Достоевским и Страховым были в это период уже достаточно острыми, писатель в своих оценках старается быть объективным, не переходить на уровень эмоциональной рефлексии. В письмах из Флоренции, адресованных Страхову, Достоевский говорит о достоинствах его критических работ, не завидует и не «ревнует», его по-настоящему привлекает «ясность» и «последовательность» изложения. Он оценивает не личность, а профессиональные качества своего адресата, его способность работать со словом, что для текстоцентрического сознания писателя является фактом высокой оценки Страхова как активного участника литературной жизни эпохи.

Разобраться в том, что является главной причиной этой «дружбы-вражды», нам помогает незаконченная рукопись статьи Страхова «Наблюдения. Посвящается Ф.М. Достоевскому» по поводу одной из флорентийских бесед 1862 года. Текст был написан в эпистолярном жанре, подвергся нескольким редакциям, но так и не был опубликован. Страхов предлагает свое видение этого события, ставшего точкой невозврата в идейно-мировоззренческом конфликте двух личностей: «В одну из наших прогулок по Флоренции, когда мы дошли до площади, называемой Piazzadella Signoria, и вы остановились, потому что нам приходилось идти в разные стороны, – вы объявили мне с величайшим жаром, что *есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь*. Затем мы крепко пожали друг другу руку и расстались» [6,

с. 560]. Этот острый момент не войдет в опубликованные после смерти Достоевского «Воспоминания» Страхова, который будет говорить об их долгих беседах за границей комплиментарно, подчеркивая их приятную и мирную тональность: «...всего приятнее были вечерние разговоры на сон грядущий за стаканом красного местного вина» [4, с. 444]. Но в программной по своему характеру статье «Наблюдения. Посвящается Ф.М. Достоевскому» Страхов «высказался весь»: в ней представлена подробная аналитика мировоззренческих позиций оппонентов, исходным пунктом которой является принципиально разное отношение к человеку.

Смысловым стержнем концепции Страхова является представление о «гнусности» человека: «Разве хорош человек? Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! <...>Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас, хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: "Нет, гнусен до последней степени!" <...> Остается сказать еще одно: я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому что я не верю в человека» [6, с. 562].

Подобное отношение к человеку для Достоевского было категорически неприемлемым. В своих произведениях Достоевский представлял «картину современного человечества», ставил своей главной «целью и забавой» изучать человека. И даже он при своей «высокой художественной прозорливости» (М.Е. Салтыков-Щедрин) не смог бы ответить на вопрос, «хорош ли человек» «тотчас» и однозначно, как Страхов. Для Достоевского вера в человека – незыблемое условие существования, основа его аксиологической системы, духовная причина сопротивления абсурду, при отсутствии которой человек неминуемо бы «истребил себя». Вера в человека неотделима для Достоевского от веры в Бога и следования идеалам русского народа. Воспитание «на Библии» и живая жизнь в поисках Истины, самоосуществление высшего идеала в пределах собственной экзистенции для Достоевского – диаметрально противоположные позиции. Поэтому Страхов, не верящий в человека, не верящий в русский народ, доходящий в своих рассуждениях до прямого и откровенного презрения, становится для писателя идейным антагонистом, причем их мировоззренческий конфликт разворачивается более остро, чем противостояние Достоевского и революционных демократов. Происходит это во многом потому, что Страхов в своих рассуждениях проявляет схематизм отвлеченной мысли и пренебрежение к живым интересам человеческой экзистенции.

¹ Ссылки на тексты Ф.М. Достоевского даются в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию [1].

В поздней редакции «Наблюдений» Страхов прямо обращается к писателю, обозначая еще одну причину их принципиальных разногласий: «...в умственной сфере мы чем дальше, тем больше превращаемся в <...> простых наблюдателей, которые сами не могут, не имеют достаточно повода принять участие в том, что делается, а только созерцают и стараются понять сущую жизнь. <...> Наблюдательное настроение противоположно *деятельному*. Наблюдатель есть зритель, со стороны смотрящий на драму; деятель есть один из участников драмы, один из действующих лиц. <...> Мы верим в таинственные и неодолимые силы жизни, мы убедились до конца, что история совершается с *необходимостью*, что все в ней тесно связано и неизбежно развивается, растет и умирает, падает и возвышается. Если же так, если раз мы с полной ясностью сознали это взгляд, то спрашивается, у кого же достанет охоты участвовать в этой слепой, неумолимой драме? Естественно, что каждый, кто ее понял, постарается стать в сторону, постарается уклониться от нее и сохранить свободный взгляд, свободное присутствие духа» [6, с. 563]. Себя Страхов видит наблюдателем-аналитиком драмы пореформенной эпохи. Историческая ситуация в силу своей острой катастрофичности оставляет мыслящей личности единственный выход из ситуации абсурда: сохранить себя можно только устранившись от нравственных и социальных катаклизмов на безопасное расстояние. В мире абсурда любое действие обречено на провал, поэтому для конкретной исторической эпохи закономерно возникает потребность в «зрителях», а не в «участниках».

Позиции Достоевского и Страхова совпадают только в исходном тезисе о закономерности исторического развития человечества. Но само понимание логики этого развития и роли в нем личности у писателя другое – экзистенциальное: он ощущает свою персональную ответственность за то, что происходит в мире, а потому единственно возможной для себя считает позицию активного участника, а не пассивного наблюдателя. Достоевский в своих эго-документах неоднократно говорит о необходимости активного вторжения в жизнь как обязательного условия сохранения «свободного присутствия духа».

Флорентийские беседы 1862 года, получившие спустя несколько лет осмысление в «Наблюдениях», точно и определенно обозначили еще одну причину идейных разногласий Достоевского и Страхова, которая, по нашему убеждению, связана с двумя предыдущими позициями (представлением о природе человека и противопоставлением наблюдательного и деятельного «настроения»): «Мы нашли точку, на которой расходимся» [6, с. 560]. Этой точкой расхождения становится отношение к Истине. Для Страхова личности, высказывающие заведомо ошибочные идеи, заслуживают осуждения. В особенности это касается современной ситуации, в которой через журнальные публикации многие «псевдо-идеологи» настойчиво провозглашают свои «идеи»: «Часто возбуждала неудовольствие и

недоумение ожесточенная полемика, которую у нас так охотно ведут журналы. Одна из самых чистых и явственных струй в том мутном потоке, без сомнения, та, которую я указываю, то есть, с одной стороны, увлечение до *дважды два – пять*, а с другой стороны, – вражда против всякого *дважды два – не четыре*» [6, с. 561]. Для Достоевского не существует людей, которые сознательно стремятся к ошибке, а потому заблуждения – достаточно распространенный случай неверных выводов на пути поиска Истины. В изложении Страхова эта идея выглядит следующим образом: «По самой сущности дела всякая мысль имеет свой повод и свое основание, всякая мысль, как широкая и глубокая, так и мелкая и узкая, движется по одним и тем же логическим законам, и следовательно, самое грубое заблуждение носит в себе элементы истины. Следовательно, обвинять кого бы то ни было в абсолютной нелепости совершенно несправедливо» [6, с. 561]. Структура и содержание приведенного высказывания демонстрирует признаки полемического искажения мыслей оппонента, доведение их до абсурда с целью аксиологической дискредитации. По сути, Страхов дает свою интерпретацию идеи Достоевского, чтобы сделать более весомым собственный контраргумент: «И в самом деле, посмотрите, кого вы против меня защищаете? Ведь вы защищаете решительно всех; вы приносите меня в жертву каждому, кто только не вздумает открыть рот, потому что бы он ни сказал и как бы он ни сказал, по-вашему, я обязан непременно понять, что он *хочет* сказать, и не имеет ли этот желаемый смысл какого-нибудь тайного основания» [6, с. 561]. Здесь важно не то, во что верит Достоевский и кого он, по словам Страхова, «защищает», а то, что писатель выступает против него лично, делает его «жертвой», «навязывает» свою позицию. Понятен в этой ситуации и полемический азарт Достоевского: было затронуто одно из фундаментальных оснований его мировоззренческой позиции, а, следовательно, и его эстетики. В споре со Страховым он озвучивает «исходный код» экзистенциального универсума своей личности: «нельзя судить идеолога, да и вообще человека по одним лишь выводам, к которым он пришел, необходимо понять человека в целом, почувствовать его пафос, внутренний смысл его исканий, найти их "тайное основание". <...> Достоевский стремился отыскать "зерно истины", некую субъективную правду в жизненной позиции героев, выступающих идейными противниками» [3, с. 33].

Ситуация домысливания, характерная для разных этапов идеологической полемики Достоевского и Страхова, репрезентативна в своем аксиологическом основании. Для перманентно сомневающейся, ищущей личности Достоевского невозможно «застывание», остановка на какой-либо одной точке существования. Он отстаивает право личности на свою, субъективную правду, на право быть выше социальных установлений и стереотипных представлений Других, поэтому и моделирует в своих текстах, поведенческих и художественных, подобные ситуации. Пример тому – активное участие в журнальной

полемике, которую Достоевский вел в «тоне» Добролюбова, отличавшемся от «тона» Антоновича и Страхова, готовность к диалогу и обсуждению своей субъективной правды.

Несколько лет спустя, когда духовное общение со Страховым фактически сводится к нулю и возникает необходимая для рефлексии дистанция, оценка его личности Достоевским меняется, выходит на уровень мировоззренческий, экзистенциальный. На этом этапе начинает работать характерный для сознания писателя закон универсализации: личная полемика становится результатом неприятия типологических черт личностей, подобных Страхову, из-за их душевной успокоенности и экзистенциальной несамопредельности, которые обозначаются пластически-бытописательной формулой «кушать сладко и сидеть на мягком». В очерке «Голословные утверждения» декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский использует эту формулу для обозначения не одного конкретного человека, а целой категории людей, жизненные интересы которых ограничиваются бытовыми потребностями: «О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком – еще слишком долго будут привлекать человека к земле, но не в высших типах его» (т. 24, с. 47). Механизм универсализации рефлексивных наблюдений за собственным взаимодействием с Другим, ситуацией притяжения-отталкивания позволяет Достоевскому концептуально осмыслить специфику характера Страхова. «Семинарист» в понимании писателя – это не просто обладатель спектра отрицательных качеств (честолюбия, завистливости, поклонения славе), это определение человека, стремящегося в любых ситуациях избегать нравственного дискомфорта, а потому ориентированного на конформизм как образ жизни в любых ситуациях (личных, профессиональных, духовных). С экзистенциальной точки зрения, подобная установка формирует ложные основания мировоззрения личности и не позволяет ей занять персонально-ответственную позицию в бытии². В этом смысле активная персональная позиция Достоевского противостоит пассивной позиции Страхова, который не только не испытывает интереса к литературной полемике, но и не способен, с точки зрения Достоевского, на какую-либо самостоятельную ценностную позицию.

Подводя своеобразный итог этой многолетней полемике, в тетради 1877 г. писатель делает резюмирующую запись о Страхове: «Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости; он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и

² Например, заявляя о неверии в человека в «Наблюдениях», Страхов в другой своей статье «Тяжелое время» («Время», 1862, №10) высказывает совершенно противоположные идеи: «Тот оскорбляет человеческую природу, кто воображает, что можно устроить благополучное человеческое общество без содействия его сознания и свободы» [5, с. 167].

идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно» (т. 24, с. 239–240). Центральной, на наш взгляд, в этой характеристике является формула «все равно» как симптоматическое проявления равнодушия, отсутствия четкой мировоззренческой позиции, определяющей отсутствие высоких человеческих качеств, и гражданской позиции. Эта запись свидетельствует о готовности Достоевского посвятить исследованию подобных личностей и разговору о них специальные разделы «Дневника писателя». И дело здесь не во враждебном отношении и готовности зачеркнуть все, что было в прошлом. Слова Достоевского можно рассматривать как предостережение тем, кто захочет довериться Страхову. Писатель произносит прямое и непосредственное слово, которое он адресует самому себе, и потому допустить возможность какой-либо неискренности или неправды он не может. В этом слове о Страхове – его взгляд, его персональная позиция, его видение.

Свою решающую реплику в адрес Достоевского Страхов произносит уже после смерти писателя, познакомившись с его записями, сделанными в последние годы «для себя». 28 ноября 1883 года пишет письмо Толстому (оно будет опубликовано в журнале «Современный мир» в октябре 1913 года) с целью поставить окончательную точку в незавершенном споре, в котором ответное слово Достоевского уже прозвучать не может и читатель будет вынужден доверять тому, что говорит о писателе человек из его «ближнего круга». Стратегическая установка Страхова на формирование определенной реакции потенциального читателя определяется несколькими моментами. Во-первых, характером адресата: он пишет именно Толстому, одной из творческих величин «порезформенной» эпохи, чей статус равновелик статусу Достоевского. Велика вероятность, что в перспективе это письмо станет достоянием общественности как факт переписки писателя, и тогда обнародованным окажется «истинный» облик Достоевского. Во-вторых, письмо Страхова к Толстому – это еще и опережающий жест, который необходимо было сделать до публикации личных записей Достоевского, который достаточно резко и нелестно о нем отзывался. Благодаря этому из ситуации оправдания Страхов стремился вывести свои размышления на уровень констатации факта изначально несправедливого отношения к нему писателя, отличавшегося целым спектром отрицательных человеческих качеств: «Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. <...> Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливым, героем и нежно любил одного себя. <...> Я бы мог записать и рассказать и эту сторону в Достоевском,

много случаев рисуются мне гораздо живее, чем то, что мною описано, и рассказ вышел бы гораздо правдивее, но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицевою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем» [2, с. 307–309].

Это не был спонтанный, вызванный горьким разочарованием, а продуманный и подготовленный поступок, проявляющий личность Страхова гораздо больше, чем, вероятно, ему самому хотелось бы. В отдельной записи, обозначенной «Для себя» и почти дословно совпадающей с началом письма Толстому, Страхов говорит о цели своего высказывания: «Для себя мне хочется однако формулировать ясно и точно это отвращение и стать выше его ясным сознанием» [6, с. 564]. Однако нравственная сторона поступка очевидна и не может быть приукрашена какими-либо «добрыми чувствами»: «отвращение», о котором говорит Страхов, преследовавшее его «при жизни и по смерти» Достоевского, является фактом самосознания, измерения масштаба своей личности, литературных амбиций и дарования относительно индивидуальности, перманентно находящейся в персональной позиции и экзистенциально встроенной в бытие.

Слово Страхова о Достоевском качественно иное: он обращается не к самому себе и не к писателю, у которого он мог бы, пусть даже заочно, потребовать сатисфакции путем опровержения несправедливых, с его точки зрения, высказываний, а к авторитетной личности Толстого, которого, по сути, он просит о внешней, незаинтересованной оценке и своего труда («Биографии» Достоевского), и своего «настоящего» к нему отношения. Через такое опосредованное высказывание Страхов предпринимает попытку пропедевтической самореабилитации, которую он считает необходимым сделать до того момента, когда материалы Достоевского будут опубликованы и слово писателя как этически более значимое определит личностную и профессиональную репутацию его оппонента окончательно. Подобный характер слова является отражением мировоззренческой позиции Страхова, которая вызывала резкое неприятие Достоевского: стремление говорить «обиняком» является признаком отсутствия четких нравственных принципов, стихийного проживания собственной экзистенции, которая не осознает саму себя и свое «не-алиби» в бытии.

Таким образом, экзистенциальный характер взаимоотношений Достоевского и Страхова выстраивается по модели коммуникации с ценностно значимым Другим, относительно которого происходит определение собственной позиции и собственного слова как способа реализации «не-алиби» личности в бытии. Острое неприятие писателем определенных духовно-нравственных качеств своего оппонента – знак напряженного всматривания в окружающую реальность, в мировоззренческие позиции других людей, благодаря которым становится возможным настоящее самоопределение, поиск своего Я в бытии, знак повышенной нравственной требовательности к своему поступку и к поступку

Другого. Говоря о Страхове, писатель совершает бытийный, экзистенциальный жест, с общечеловеческой семантикой этической реакции на распад смыслового поля личности. В противоположность этому реакция Страхова – это реакция частного, обиженного человека, в рассуждениях которого проявляется психологический механизм проекции: говоря о Достоевском и давая ему оценку, он характеризует себя, высказывает свою мировоззренческую позицию. И дело здесь не в «развратности» Страхова или его злости. Дело здесь в ценностном отношении к личности человека, относительно которого есть возможность добавить значимости своему существованию. Если Достоевский говорит от имени своего Я, дает видение изнутри, закрепляя уникальность своей экзистенции в слове, то Страхов занимает внешнюю, оценивающую, интерпретирующую, а потому искаженную его субъективным видением внутреннего мира Другого, позицию.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1986.
2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. – Т. 2. – СПб.: О-во Толстовского музея, 1914. – 478 с.
3. Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. – М.: Наука, 1981.
4. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 375–532.
5. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. – СПб., 1890.
6. Н.Н. Страхов о Достоевском. Статьи, публикации и комментарии Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. – Т. 86. – М.: Наука, 1973. – С. 560–564.

Рецензенты:

Разумова Н.Е., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск;

Хатямова М.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск.